

ПИТЕР ХАЙТ

**ПОПУЛЯРНАЯ
КОНСПИРОЛОГИЯ**
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ТЕОРИЯМ
ЗАГОВОРА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Питер Найт
Популярная конспирология.
Путеводитель по
теориям заговора
Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289167

Популярная конспирология. Путеводитель по теориям заговора: ООО

«Издательство Родина»; Мсква; 2023

ISBN 978-5-00222-213-1

Аннотация

«Впервые я задумался о заговорах, когда на экран вышли «Секретные материалы», – пишет автор этой книги, американский исследователь П. Найт. – Мне показалось, что этот фильм специально запустили для меня, словно намекая, чтобы я додумался до чего-то очень важного».

В конце концов, Найт решил собрать и проанализировать все наиболее знакомые массовому сознанию темы: убийство Кеннеди, панику вокруг мировых эпидемий, Новый Мировой Порядок и другие. Его книга стала своеобразным путеводителем по «теориям заговора», попыткой разобраться в конспирологии. Она, по словам Найта, является неизбежным ответом на

усиливающуюся глобализацию мира, которая вызывает чувство тревоги и желание понять, что происходит на самом деле.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Новый Мировой Порядок	11
«Все связано»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Питер Найт
Популярная
конспирология.
Путеводитель по
теориям заговора

© Найт Питер (Knight P.), правообладатели

© Перевод с английского Т. Давыдова

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

Впервые я задумался о заговорах перед выходом на экран «Секретных материалов». Сначала мне показалось, что этот фильм специально запустили для меня, словно намекая, что я додумался до чего-то очень важного. Но временами попытка проследить бесконечно разветвляющиеся сюжетные линии в «Секретных материалах» вызывала ощущение головокружения, стоило мне попасть (в связи с операциями ЦРУ) в чашобу зеркал. Ощущение, что у тебя голова идет кругом, страх, не отпускающий тебя, и одновременно дикое желание отыскать связность в отрывочных фрагментах – все это не так уж далеко от конспирологических теорий, описываемой в этой книге.

Начиналось это исследование как путь стрелка-одиночки, потом в какой-то момент оно превратилось в заговорщическое сотрудничество. Я многим обязан этому призрачному синдикату теоретиков, специализирующихся по конспирологическим теориям.

В наше время конспирологические теории все реже считаются признаком умственного расстройтва. Скорее это ироничная позиция по отношению к знанию и вероятностному характеру истины, реализующаяся в риторической плоскости двойного отрицания. Теперь конспирологические теории предстают в качестве симптома, в котором уже заложен

диагноз болезни. Риторика заговора воспринимает себя всерьез, но в то же время ко всему, даже к своим заявлениям, она относится с сатирическим подозрением. Чаще всего современная культура заговора отмечена ставшим привычным цинизмом, ибо люди готовы поверить в самое худшее о мире, в котором живут, даже если они демонстрируют ностальгическую доверчивость, пребывая в постоянном шоке оттого, что им приходится обнаруживать, что все на самом деле так плохо, как они подозревают.

Чаще всего конспиролога представляют одержимым, ограниченным психом, сторонником правых и поборником крайних мер в политике, у которого вдобавок есть опасная склонность считать обычных подозреваемых козлами отпущения. Но за последние десятилетия образы и риторика заговора перестали быть фирменным стилем одних лишь законченных параноиков. Теперь они получили распространение и в аристократической, и в народной культуре и стали частью обыденного мышления.

За вторую половину XX века случилось немало событий, в результате которых преследование политических целей тайными средствами стало для политического истеблишмента само собой разумеющимся. Предположение, что заговор есть способ объяснения и в то же время средство из политического арсенала, и очертило то пространство, которое можно назвать «культурой заговора».

В этом исследовании будет показано, что теперь в конспи-

рологических теориях уже не столько выплескиваются паникерские страхи по поводу случайного нарушения привычного хода вещей, сколько находит свое выражение не совсем беспочвенное подозрение о том, что в самом по себе привычном ходе вещей есть доля заговора.

Соответственно изменился и стиль культуры заговора: твердая убежденность в существовании конкретного демонизированного врага сменилась циничным и общим ощущением вездесущего – и даже необходимого – присутствия каких-то тайных сил, плетущих заговор в мире, где все связано. Уверенность порождает сомнения, и заговор стал допущением по умолчанию в эпоху, научившуюся никому не доверять и ничему не верить.

Обычно конспирологические теории были направлены на то, чтобы поддержать ощущение, будто бы «нам» угрожают страшные «они», или на то, чтобы оправдать обвинение зачастую невиновных жертв, из которых делали козла отпущения. Однако в последнее время дискурс заговора стал выражать более разнообразные сомнения, а его функции стали более многообразными.

В конспирологических историях отражается неуверенность в том, как именно развивались события в прошлом, недоверие к тем, кто излагает официальную версию событий, и даже сомнение в самой возможности создать связный отчет, внятно объясняющий причины происшедшего. В этих текстах звучат сомнения по поводу того, кого или что винить

в запутанных и переплетающихся друг с другом событиях.

Точно так же в риторике заговора воплощается беспокойство о том, контролируем ли мы собственные поступки и, раз уж на то пошло, наш разум и тело. Конспирологический дискурс определяет не только то, где начинается и кончается ответственность каждого, но и пределы нашей телесной идентичности, когда может иметь место вызванная вирусом дезориентация.

Из заикленности на образе заданного врага массовая подозрительность вылилась в общие подозрения, заставляющие верить в существование каких-то сил, замышляющих заговор. По сути, произошел сдвиг от парадоксально безопасной формы паранойи, поддерживавшей идентичность человека, к куда более опасному варианту порождаемой заговором тревоги, вызывающей без конца возвращающееся сомнение во всем и вся.

Короче говоря, теперь мы имеем неисчезающую неуверенность относительно принципиальных вопросов, связанных с причинностью, управлением, ответственностью и идентичностью в эпоху, когда уверенность многих людей в их собственной судьбе и судьбе их государства оказалась под большим сомнением.

При этом утверждение, что и левые и правые стали относиться к конспирологическому мировоззрению как к чему-то само собой разумеющемуся, без сомнения, можно чем-то оправдать. Вместо того чтобы просто еще больше

обвинять конспирологическое мышление, упрекая не только обманутые массы, но и так называемых штатных радикалов, было бы разумнее попытаться исследовать, почему прежде крайние взгляды стали мейнстримом и обрели популярность.

Новый Мировой Порядок

На протяжении XX века и особенно после создания в 1947 году ЦРУ американская политика все больше и больше полагалась на тайные средства при достижении своих целей, а бюрократическая культура режима секретности стала чем-то само собой разумеющимся.

Спустя год после убийства Кеннеди авторы положившего начало исследования Дэвид Уайз и Томас Росс заявили, что в Соединенных Штатах действует рука «невидимого правительства», создающего «взаимосвязанный скрытый механизм» с привлечением разведслужб, который проводит свою политику. Осведомленный гражданин, как пишут Уайз и Росс, «может заподозрить, что публично внешняя политика Соединенных Штатов нередко проводится в одном направлении, а тайно – стараниями невидимого правительства – прямо в противоположном».

Чаще всего возникновение правительства-двойника связывают с Законом о национальной безопасности (1947) и началом «холодной войны». Считается, что в него главным образом входят представители безмерно разросшихся разведслужб, в том числе ЦРУ, Совета национальной безопасности, Разведывательного управления Министерства обороны, Агентства национальной безопасности, разведслужб армии, ВМС и ВВС, Управления разведки и исследований в госде-

партаменте, комиссии по атомной энергии и ФБР.

В результате расследований политических убийств, которые проводились в 1970-х (особенно усилиями комиссии Рокфеллера и комитета Черча, созданного в 1975 году), вместе с Уотергейтом и слушаниями по делу «Иран-контрас» были раскрыты масштабы операций, которые проходили по так называемому «черному бюджету» и о которых открыто ничего не говорилось.

Как выяснилось, разведслужбы играли роль постоянной скрытой политической силы как во внешней, так и во внутренней (тоже незаконно) политике США. Неподконтрольная система порой конфликтующих между собой разведслужб, пользующихся деловыми и правительственными связями в самих Соединенных Штатах и за границей, составляет то, что стало называться национальной безопасностью. В каждом учреждении такого рода автоматически накапливались документы, количество которых продолжало увеличиваться и после окончания «холодной войны».

Существование этого зазеркального мира тайной власти одинаково завораживает и пугает американскую общественность. С развитием национальной безопасности после Второй мировой войны теории заговора получили более широкое распространение и стали более приемлемыми, причем не потому, что сами заговоры стали случаться чаще и к ним стали спокойней относиться. Поскольку в планы правящей элиты сегодня меньше всего входит способствовать достиже-

нию консенсуса в обществе и конгрессе, в подобных обстоятельствах закулисные операции, проходящие через «черную кассу», становятся все важнее.

Как заметил следователь, занимавшийся убийством Кеннеди, радикал-шестидесятник Карл Оглсби, «заговор – это обычное продолжение обычной политики обычными средствами». И хотя не каждый пойдет так далеко, как Оглсби, тем не менее слушания по Уотергейту заставили многих американцев осознать, насколько глубоко типичная методика заговора укоренилась в деятельности правительства.

Более того, слушания по делу Оливера Норта лишь подтвердили подозрения, которые и раньше питали многие люди. И хотя в ходе слушаний связать президента Рейгана с запутанным клубком операций по продаже наркотиков и оружия не удалось (для скептиков это был как раз случай «правдоподобного опровержения», выглядевшего не слишком правдоподобно), они продемонстрировали, насколько охотно чиновники среднего звена готовы считать, что заявленные цели должны достигаться секретными средствами.

Неопровержимая правдоподобность теорий заговора, которые американская общественность за последние четверть века научилась тщательно изучать, иногда позволяет американцам восстанавливать скрытые причинно-следственные связи, разорвать которые стараются при помощи тактики правдоподобного опровержения.

В ответ на официальный приказ «все отрицать» конспи-

рологи пришли к убеждению, что «все связано», как гласит одна из ключевых фраз «Секретных материалов».

* * *

Недоверие по отношению к власти, пропитавшее американскую культуру с конца 1960-х годов, подспудно наводит на мысль о том, что движущей силой, если не истории в целом, то современной американской политики, является что-то похожее на заговор. С учетом того, что мы теперь знаем о не столь демократической деятельности правительства Соединенных Штатов, не так уж безрассудно в качестве рабочей гипотезы предположить существование тайного или молчаливого сговора влиятельных кругов, вплотную приближающегося к заговору.

Быть может, люди, которым повсюду мерещатся заговоры, и в самом деле параноики, но ведь вместе с тем они могут подметить, возможно случайно, но от этого не менее пронизательно, метаморфозы секретности.

Склонность к подозрительности, во многих отношениях порождаемая верой в заговоры, теперь проявляется скорее не как старомодная гуманистическая вера в разумное, хотя и вредное действие, а как квазиструктурный анализ злых сил на заре постгуманистической эры. В этом смысле современный конспирологический дискурс выражает возможность существования заговора без самого заговора, а при

слаженных действиях заинтересованных лиц, которые можно назвать лишь заговорщическими, пусть даже мы и знаем, что намеренного сговора между ними, может, и нет.

Таким образом, риторика заговора предлагает символическое решение проблемы изображения тех, кто отвечает за события, которые, как кажется, неподвластны никому. Эта риторика говорит об эпохе, когда ни прежней веры в индивидуальное действие, ни возникающего понимания сложных причинно-следственных связей оказывается недостаточно. Теории заговора заполняют брешь между верой и пониманием, вновь обращаясь к возможности назвать конкретных виновных в эпоху немислимо сложных взаимосвязей в масштабе всей планеты.

Если все на свете становится взаимосвязанным, значит, уже не остается никакой возможности добиться абсолютной защиты. Перестает работать даже традиционное для конспирологического мышления разделение на «они» и «мы», ибо хорошо охраняемые границы и государства, и человеческого тела подвергаются опасности, если следовать логикой вируса.

Ощущение проникающих повсюду сложных заговорщических сил способствовало формированию новых общественных движений, зародившихся в 1960-х годах в рядах новых левых: движения студенческих протестов, феминизма, движения гомосексуалистов и черного активизма. Если раньше конспирологические теории в большинстве своем –

не в последнюю очередь в рамках маккартизма – связывали угрозу американскому образу жизни и политике с подрывной деятельностью меньшинств, то начиная с 1960-х годов эти новые формы оппозиционной культуры заговора стали основываться на предположении о том, что сам по себе американский образ жизни является угрозой для тех, кто по его вине оказался на обочине общества.

Правые либертарианцы давно жалуются на то, что своим присутствием «большое правительство» создает конспиративистскую угрозу простым американцам, однако при этом они исходят из того, что истинно американские ценности – жизнь, свобода и стремление к счастью – никому еще не навредили. Что появилось нового, так это распространяющееся подозрение в том, что сами эти истинные американские ценности вполне могут оказаться проблемой, связанной с тем, что, как загадочно предупреждал в середине XIX века Дэвид Торо, общество находится «в заговоре против человечества, в котором участвуют все его члены».

* * *

Политический язык и стиль маргиналов нередко оказывается самой привлекательной формой народного инакомыслия, к тому же это дискурс распространяется от патриотического движения до озабоченного заговорами мейнстрима. В мире, где триумф мирового капитализма в духе *laissez-faire*

уже не требует доказательств, для многих людей единственной возможностью проанализировать происходящее и увидеть свое недовольство остается лишь риторика конспирологов.

На первый взгляд теории патриотического движения действительно кажутся притянутыми за уши. Его вебсайты и брошюры продвигают идею заговора международных организаций, включая Совет по международным отношениям (СМО), Трехстороннюю комиссию и даже саму Организацию Объединенных Наций. Все эти организации якобы стремятся установить «Новый Мировой Порядок», предусматривающий создание злого всемирного правительства, которое наложит руку на суверенитет Соединенных Штатов.

В материалах этих группировок регулярно можно встретить сообщения о черных вертолетах без опознавательных знаков. Считается, что они либо связаны с прилетами инопланетян, либо охраняют Штаты от вторжения при помощи передовых технологий. Так, на веб-странице, озаглавленной «Маленький черный вертолет», можно прочесть, что «маленькие черные вертолеты используются ООН для подготовки установления тотальной власти над Соединенными Штатами. Частная собственность на территории Соединенных Штатов будет интернационализирована, оружие у граждан конфисковано, а дети – изнасилованы, если мы позволим им продолжать их секретные операции».

Подобные рассуждения и обвинения стали довольно

обычным делом, заставив бывшего генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали однажды иронически заметить: «Как здорово вернуться из отпуска. Честно говоря, на отдыхе я умираю со скуки. Куда веселее на работе – тормозить реформы, летать на черных вертолетах, вводить глобальные налоги».

В подобных материалах можно наткнуться на информацию о том, что личные данные американцев тайно записаны на магнитных полосах водительских удостоверений; ходят и слухи о том, что непонятные метки на обратной стороне дорожных знаков указывают путь захватническим силам ООН, сосредоточенным прямо на границе США.

Эти откровения и открытия считаются доказательством того, что над американскими гражданами нависла угроза лишиться своих свобод по милости могущественных и непостижимых международных сил. В редакторской статье *The New American*, журнале Общества Джона Берча, признается, что «сам по себе Совет по международным отношениям не является заговором». И в то же время далее читаем, что «за СМО и другими могущественными интернационалистическими объединениями, такими как Трехсторонняя комиссия, за гигантскими фондами, свободными от налогов, за финансовыми и банковскими кругами с Уолл-стрит и из Федерального резервного банка, за президентами и премьерами стоит заговор с целью установления контроля во всем мире».

В более официальном духе Пэт Робертсон и Пэт Бьюкенен развивают идею о заговоре международных финансистов и организаций вроде Всемирного банка, которые медленно пытаются тайно подчинить себе экономику, а значит и политический суверенитет Соединенных Штатов.

Так, в своей ставшей бестселлером книге «Новый Мировой Порядок» Робертсон утверждает, что «истэблишмент» замышляет создать «мировую систему, в которой просвещенный монополистический капитализм сможет связать все валюты, банковские системы, кредит, производство и добычу сырья в единое целое под управлением одного правительства и под надзором, разумеется, одной всемирной армии». Бьюкенен также настаивает на том, что «реальная власть в Америке принадлежит денежным мешкам с Манхэттена». Эти страхи перед заговором с целью введения Нового Мирового Порядка могут легко вылиться в поиски козла отпущения с плохо замаскированной антисемитской направленностью.

* * *

Хотя порой и надуманные истории о плохом влиянии никем не избранных международных организаций в современную эпоху быстрой глобализации не лишены смысла. Многие правительства действительно обнаруживают, что они становятся все более уязвимыми перед глобальными эконо-

номическими силами и организациями, которые им почти неподвластны. В своей работе о глобализации Ричард Барнет и Джон Кавана пишут о том, как «чудовищная власть и мобильность всемирных корпораций подрывает эффективность работы правительств отдельных стран по проведению политики в интересах своих народов». В частности, «налоговое законодательство, предназначенное для другого века, традиционные способы контроля за движением капитала и процентными ставками, методы обеспечения полной занятости и прежние подходы к разработке природных ресурсов и защите окружающей среды устаревают, теряют свою эффективность или актуальность».

Исходя из идеологической установки, согласно которой американская республика была основана для того, чтобы оберегать свободу личности от власти навязчивого правительства, многие правые радикалы задаются вопросом о роли правительства в современных условиях. Если после окончания «холодной войны», задумываются они, правительству уже не приходится защищать своих граждан от какой-нибудь «империи зла» и если федеральное правительство предает свою роль защитника свободы своих граждан, подписывая соглашения о торговле в глобальном масштабе (которые расцениваются как предательство интересов Америки ради интересов всемирных организаций и мегакорпораций), тогда зачем вообще правительство?

Несмотря на то, что могло бы показаться подсечно-ог-

невой приватизацией и прекращением регулирования, наблюдаемым за последние двадцать лет, многие правые настаивают на том, что «большое правительство» своими, как у спрута, щупальцами проникло повсюду, влившись в надвигающийся заговор с целью лишить людей их прав. Конспирологические теории о варварстве правительственных агентств отражают нарастающее ощущение нелегитимности федеральной власти. Отсюда следует, что правительство может оправдать свое существование, лишь делая свое ежедневное присутствие более заметным (а значит, и более необходимым) с помощью назойливого наблюдения и вмешательства.

В итоге, с одной стороны, мы имеем истории об имплантированных чипах, обеспечивающих наблюдение за человеком, и водительских правах, отражающие страх перед возросшим правительственным контролем. С другой стороны, конспирологические теории о захвате власти силами ООН или пришельцев отражают страхи по поводу недостаточного национального суверенитета перед лицом агрессивного мира, а другими словами – конкуренции.

Хорошо это или плохо, кейнсианское обещание того, что государство будет контролировать экономику, дабы ограждать своих граждан от беспощадной логики рынка, для многих правительств становится все менее реальной возможностью. Конспирологи из числа радикальных правых не одиноки в своем беспокойстве в связи с тем, что даже амери-

канское правительство передает свой суверенитет всемирным организациям и корпорациям. Многие левые, а также представители широкой разноцветной коалиции неправительственных организаций, в декабре 1999 года развернувшие «сражение в Сиэтле» в знак протеста против переговоров Всемирной торговой организации, тоже выражают тревогу по поводу того, что отдельные правительства уже неспособны определять дальнейшую экономическую судьбу своих стран, хотя и приходят к разным выводам о том, почему эта ситуация важна и что в этой связи нужно предпринять.

Отдаленно вторя паникерству правых, один склоняющийся к левым наблюдатель, к примеру, предупреждает, что «с учетом наблюдающихся в учреждениях ООН крупных сокращений бюджетных расходов на социальное и экономическое развитие и увеличение затрат на „поддержание мира“, существует угроза того, что Организация Объединенных Наций сама превратится в военный инструмент власти корпораций».

Обе стороны сходятся на том, что глобализация породила сильную тревогу в некогда безопасной сердцевине «средней Америки». «Американская мечта среднего класса почти исчезла, – заметил один наблюдатель, – уступив место людям, напрягающимся лишь ради того, чтобы закупить продуктов на следующую неделю». Дальше он продолжает:

«Что такого должно произойти, чтобы раскрыть глаза нашим избранникам? Неужели гражданская война неизбежна?»

Неужели нам нужно пролить кровь, чтобы преобразовать существующую систему? Надеюсь, что до этого дело не дойдет, но это может случиться».

* * *

С откатом от компромисса между трудом и капиталом, начавшимся в середине 1970-х годов, и с учетом увеличивающейся приватизации общественных полномочий, утрата чувства безопасности и возникающее негодование стали повседневной реальностью для многих рядовых американцев, особенно для тех, кого обошел стороной наблюдающийся экономический бум.

Под давлением глобализации гарантии сохранения рабочего места в корпорации и вытекавшие отсюда преимущества перестали существовать. Сталкиваясь с международной конкуренцией, транснациональные корпорации (которые верны уже не своей нации, а рассредоточенной по всему свету группе акционеров) сокращают штаты, перебрасывают производство и переезжают без предупреждения.

Начиная с 1950-х годов обывательские представления о надежной и стабильной семье-ячейке общества стали постепенно меркнуть, чему способствовало уподобление внутренней экономики США странам третьего мира, сужение экономических горизонтов для многих и «постиндустриальный» образ жизни для избранных.

В процессе продолжительного экономического роста углубился разрыв между богатыми и бедными, что сопровождалось усилившейся поляризацией американского общества и снижением заработной платы в реальном исчислении, которое ощутили представители размывающегося среднего класса. Многие приверженцы прежде безопасного мейнстрима обратились к языку и логике экстремистской политики. Эта позиция ставшей привычной враждебности дает о себе знать в разных областях, начиная с возобновившейся тревоги по поводу иммигрантов и заканчивая кризисом маскулинности, о котором так много говорят последнее время.

Возможно, прекращение регулирования и стимулирует гибкость, но только гибкость в понимании корпораций нередко означает отсутствие безопасности для рабочих (чем дальше, тем больше эта же гарантия исчезает и для среднего класса, который, в отличие от «синих воротничков», обычно не знал страха потерять работу). Более того, молчаливое признание структурной неполной занятости вместе с исчезновением отдельных базовых элементов государства всеобщего благосостояния усиливает ощущение отчуждения от политического процесса и американского идеала.

Роман Уильяма Пирса «Дневник Тернера» (1978) является, пожалуй, самым известным культурным выражением этой ментальности, доведенной до самой кровавой и опасной грани. В романе речь идет о популистской революции, которую совершают недовольные белые, чтобы устано-

вить «арийскую» республику. Все это сопровождается убийствами черных и евреев. Автор торжествующе описывает «день веревки», когда происходят массовые повешения белых «предателей своей расы», до революции проявлявших либеральную терпимость к евреям, иммиграции, позитивной дискриминации – и лобби, выступавшему за введение контроля за оружием.

В медиамейнстриме много говорилось о разжигающем расизм заговоре, описанном в «Дневнике Тернера». Но в поспешном стремлении осудить жестокое послание, заложенное в книге, мало кто заметил, о чем, в сущности, этот роман. Он во многом стал символическим результатом ухода США из Вьетнама и нефтяного кризиса, вызванного появлением ОПЕК, что все вместе привело к началу конца господства Америки на международной арене, а также явного превосходства типично американского рабочего (читай гетеросексуальных белых мужчин) во внутренней экономике Соединенных Штатов. Поэтому не удивительно, что интерес к роману вновь обострился в середине 1990-х, когда в результате нового этапа глобализации эта социальная группа стала утрачивать последние остатки своей уверенности в завтрашнем дне.

Неудивительно, что многих волнует, что значит быть американцем, когда «американские» рабочие места вывозятся к югу от границы и когда они вынуждены конкурировать с иммигрантами, меньшинствами и женщинами в борьбе за со-

циальные привилегии и денежное вознаграждение, которые прежде казались их неотъемлемым правом.

По иронии судьбы, теперь белый мужской англо-американский истеблишмент пытается позиционировать себя как объединенное общими интересами меньшинство, сплотившееся перед лицом более крупного заговора.

«Все связано»

Предположение, что все связано, – один из главных принципов конспирологии. Оно отражает надежду (но вместе с тем и страх), что любой, на первый взгляд незначительный факт или деталь могут оказаться ключом к какому-нибудь заговору покрупнее, если только удастся разглядеть скрытые связи.

На протяжении последних десятилетий конспирологические теории демонстрируют признаки возрастающей сложности и полноты, частные подозрения сливаются в Большие Объединенные Теории обо Всем. Так, в книге «Невидимая рука: Введение в конспирологический подход к истории» А. Ральф Эпперсон сводит вместе конспирологические теории Американской революции, Гражданской войны, революции на Кубе, Трехсторонней комиссии, Федеральной резервной системы, ограничения рождаемости, аборт, образования и т. д. – и все это на 488 страницах.

Автор настаивает на том, что «заговор действительно существует и что он чрезвычайно огромен, глубоко укоренен и потому чрезвычайно эффективен». Этот заговор, продолжает Эпперсон, существует для того, «чтобы установить абсолютное и жестокое господство над всей человеческой расой при помощи войн, экономических кризисов, инфляции и революций, содействующих его целям».

Именно убежденность в том, что все в конечном итоге связано, критики конспирологического мышления считают его главной логической и фактической ошибкой. Как мы уже видели, Ричард Хофштадтер допускает, что время от времени конспирологические теории воздействуют на ход событий, но спорит с мнением о том, что «заговоры являются движущей силой в истории». И научные, и популярные комментаторы соглашаются с тем, что поиск скрытых связей как таковой не обязательно представляет собой проблему. И действительно, отдельные направления нашей самой изощренной научной и общественнотеоретической мысли заключаются в раскрытии связей между разрозненными понятиями и сферам.

Но вновь и вновь звучит предупреждение о том, что работу параноидального мышления нужно ограничивать разумными пределами. Кто-то, опираясь на эмпирический подход, доказывает бессосновательность утверждения о существовании масштабного заговора. При этом либо просто утверждают, что ООН или Трехсторонняя комиссия не устраивают никаких заговоров, чтобы захватить власть над миром, либо уже более покорно признают, что «у нашего правительства просто-напросто не хватит мозгов, подготовки, мотивов и организаторских способностей для осуществления заговоров такого масштаба, какие ему сейчас приписывают», как замечает один из экспертов. Однако современная культура заговора продолжает врать за установленные ей пределы.

Похоже, ничто не способно остановить интерпретацию и поиски связей.

* * *

Итак, подозрение в том, что все связано каким-то зловещим, но пока еще неизвестным образом, считается одним из признаков параноидального мышления, указывающим на то, что границы логики и здравого смысла были перейдены. Но вера в фундаментальную взаимосвязь всего и вся (а порой и страх перед нею) также считается само собой разумеющейся в целом ряде других способов, при помощи которых придается смысл современному миру и которые считаются вполне нормальными.

«Все связано» может служить рабочим принципом не только для конспирологии, но, с равным успехом, для эпидемиологии, экологии, теории рисков, теории систем, теории сложности, теорий глобализации, раскручивания Интернета и даже для постструктуралистских литературных теорий интертекстуальности. Какая связь существует между всеми этими дискурсами и тем, как конспирология смотрит на мир? Неужели убежденность конспиролога в скрытых причинах и связях, стоящих за кажущимися беспорядочными событиями, – это признак узколобой неспособности принять вызов, брошенный новой парадигмой традиционным представлениям об управлении и причинности? Или паранойя

конспиролога, как намекает подозрительно всеведущий рассказчик в «Радуге тяготения», – это «передний край» открытия, которое, судя по всему, изменяет наши представления о мире, начиная с экологии и заканчивая экономикой?

После серии экспериментов в 1960-х годах, в ходе которых производилась отправка сообщений случайно выбранному адресату исключительно по цепочке общих знакомых, социологи заявили, что все люди (в США, а возможно и во всем мире) связаны между собой не более, чем шестью рукопожатиями. Это статистическое подтверждение глобальной связи было подходящим открытием для эпохи, которая оптимистично считала, что весь земной шар вот-вот превратится в одну большую деревню. Это откровение просочилось в народную мудрость, типичным выражением которой стал фильм «Шесть степеней отчуждения»:

«Я где-то читал, что все люди на нашей планете отделены друг от друга лишь шестью другими людьми. Шесть рукопожатий. Между нами и любым другим человеком на нашей планете. Президент Соединенных Штатов. Какой-нибудь гондольер из Венеции. Впиши имена... каждый человек – это новая дверь, ведущая в другие миры».

Полуироническое выражение идея бесконечной связности нашла в популярной студенческой игре под названием «Шесть рукопожатий Кевина Бэкона», в которую играют поклонники фильма «Шесть степеней отчуждения». Цель игры – найти связь между этим актером второго плана и любой

другой голливудской звездой через цепочку знаменитостей, знакомых и тому, и другому. Сейчас в Интернете даже существует сайт под названием sixdegrees.com, предоставляющий услуги электронной почты и основанный на теории нахождения новых покупателей через друзей уже имеющихся покупателей.

Благотворное чувство межличностной связи созвучно подъему экологии, начавшемуся в 1960-х годах. Как Барри Коммонер пишет в опубликованной в 1973 году книге «Замкнутый круг», где представлен исчерпывающий анализ экологического кризиса, «Все Связано Со Всем Остальным» – вот «Первый Закон Экологии».

Наука экология сделала видимым ранее невообразимое и непредставимо сложное взаимодействие природных (и промышленных) сил как в небольшом масштабе, так и на уровне мировых систем. Для некоторых участников экологического движения принцип взаимосвязи сочетается с почти мистической верой в то, что все в мироздании является частью гармоничного и слаженного целого. Доводя эту веру до крайности, некоторые экологи истолковывают гипотезу Геи, сформулированной Джеймсом Лавлоком (согласно этой гипотезе, Земля является сложной саморегулирующейся системой) как доказательство того, что наша планета способна сама позаботиться о себе, причем каждая часть тщательно поддерживается в хрупком равновесии со всеми остальными.

Обратной стороной обнадеживающей веры во вселенскую

гармонию оказываются экологические и эпидемиологические опасения по поводу все возрастающей связности современного мира. Кроме сходства с восточными формами духовности, основанной на ощущении единства, экологическое движение отличается и более пессимистическим родством.

Эго можно увидеть на примере таких работ, как «Безмолвная весна» Рэйчел Карсон (1962), где дано классическое описание вредных и во многом непредвиденных последствий для людей и для природы, к которым привело использование пестицидов типа ДДТ. Предупреждения о нависшей экологической катастрофе говорят о том, что вмешательство в природу скорее всего повредит и людям, ибо в современном мире естественное и искусственное безнадежно переплетены через сложные причинно-следственные связи, которые невозможно предсказать или контролировать.

* * *

Энтони Гидденс и Ульрих Бек, специализирующиеся на теории «общества риска», недавно заявили, что угроза экологической катастрофы – это непреднамеренное, но все-таки неизбежное следствие самой современности. Кажущаяся непреодолимой волна глобальной индустриализации несет с собой непредвиденные (и, возможно, поддающиеся прогнозу) риски, которые становятся ощутимы только сейчас.

Так, все больше ученых сходятся на том, что сложное взаимодействие (среди многих других факторов) парниковых газов, уменьшающегося озонового слоя и растущего промышленного производства действительно ведет к глобальному потеплению. В любом случае жители многих стран все сильнее осознают, что странные погодные явления можно объяснить за счет массы связанных с нарастанием глобальной индустриализации факторов, которые стали действовать десятилетия (если не столетия) назад.

При отсутствии твердой договоренности относительно научных прогнозов этого явления (в конце концов не так давно ученые предупреждали о наступлении очередного ледникового периода) практически невозможно выделить какой-то определенный источник маячащей катастрофы или с уверенностью предложить подходящий план действий по ее предотвращению.

Теперь становится труднее не только установить, кто виноват в прошлом: когда «эффект бумеранга» причины и следствия сработает в будущем, тоже непонятно. Как точно замечает Бек, «последствия Чернобыля сегодня, спустя годы после самой катастрофы, еще даже не появились на свет». И это так потому, что все связано между собой настолько, что становится невозможно отделить друг от друга способствующие факторы, выявляя причины и распределяя вину. В страхах по поводу генетически модифицированных продуктов, к примеру, объединяются тревоги, вызываемые непредсказуе-

мыми долгосрочными последствиями заражения генофонда, и подозрения, связанные со зловещими планами биотехнологических корпораций, задумавших прибрать к своим рукам мировые запасы семян.

Как мы видели в случае с тревогами по поводу Нового Мирового Порядка, не удивительно, что люди выражают свои страхи по поводу неизмеримо сложных причинно-следственных связей в терминах конспирологии.

Если концепция шести рукопожатий отражает свойственную 1960-м годам веру в социальную гармонию, то более подходящим слоганом для 1980-1990-х годов стало бы заведомо паникерское эпидемиологическое уведомление, гласящее: занимаясь с кем-нибудь сексом, ты, по сути, спишь с тем, с кем до тебя спал твой партнер/партнерша. С едким остроумием переделывая квазиконспиративистские схемы корпоративных сговоров, принадлежащие Ноаму Хомскому, эстрадный артист аргентино-канадского происхождения Гильермо Вердеккия показывает номер, в котором он выстраивает схему собственных сложных сексуальных отношений.

Провоцирующие паранойю формы взаимосвязи теперь, похоже, подобрались намного ближе. Так, эпидемия ВИЧ/СПИДа обнажила то, что для многих людей оказалось пугающей уязвимостью как человеческого тела, так и государства. В первом случае вирус иммунодефицита человека в состоянии нарушить способность организма различать «я» и не-я. Лишь при параноидально ревностном использовании латек-

са как настаивала здравоохранительная мудрость, секс сможет вновь стать относительно безопасным – хотя и при условии, что передачи телесных жидкостей не будет.

Во втором случае, пока казалось, что эпидемия СПИДа ограничивается четырьмя первоначальными «группами риска», многие придерживались предвзятого мнения, что общество на самом деле не является чем-то целым, хотя и подозревали, что внутри темных миров гомосексуалистов, героинистов и гаитян происходило какое-то угрожающе беспорядочное перемешивание.

Но к середине 1980-х эпидемия стала подрывать уверенность американской общественности в существовании естественных барьеров между социальными группами, поскольку различия между гетеросексуалами и геями, между ними и нами и, как эффектно выразились чиновники здравоохранения (а президент Рейган это подхватил), между так называемым «основным населением» и обозначенными группами «риска» начали стараться.

СПИД заставил почувствовать, насколько уязвимыми стали границы национального государства, начиная с рефлексивного предположения о том, что эта болезнь наверняка зародилась в Африке и потом была занесена в Америку гаитянами, и заканчивая более реалистичным сценарием об американских секс-туристах, распространяющих ВИЧ-инфекцию в странах третьего мира, эпидемия СПИДа заставила людей задуматься о сложных и запутанных путях переда-

чи в глобализованном обществе. Эта нацеленная на поиск козла отпущения «география вины» по большей части была оформлена языком заговора.

* * *

В эпоху глобализации отдельные формы связи параноидально не поощряются, тогда как другие лихорадочно пропагандируются. Строгие предупреждения насчет свободной реализации сексуального желания звучат от тех же людей, которые призывают к неограниченной свободе потребительского желания (скорее в форме капитала и информации, чем отдельных рабочих) на мировом рынке. Девизом нового тысячелетия очень могла бы стать фраза «свободная торговля, но безопасный секс».

В обоих случаях допускается, что к лучшему или к худшему, но все связано: всех нас включили в глобальные сети потребления и производства, нравится нам это или нет. Описывая «вселенную коммуникации», Жан Бодрийяр фиксирует пугающее, но в то же время бодрящее ощущение погружения в огромную подвижную сеть обмена. Он пишет, что мы живем в новую «протеиновую» «эру сетей», в «нарциссическую и протеическую эру соединений, контактов, касаний, обратной связи и всеобщего интерфейса».

В связи с приходом «имманентной неупорядоченности всех этих сетей, с их непрерывными соединениями» Бодрий-

яр опасается, что «промискуитет, который царствует над коммуникационными сетями, оказывается промискуитетом поверхностного насыщения, непрерывного приставания, истребления промежуточных и защитных пространств».

В мире, где все связано, индивидуальные и национальные границы начинают стираться, а прежняя утешительная форма паранойи, по сути, имевшая дела с неизменными фактами и организациями, уступает место шизофрении непосредственного момента. По мнению отдельных теоретиков и культурных деятелей, эта кибернетическая текучесть открывает возможность ухода от ограничивающих форм идентичности.

Так, в одном из эпизодов «Секретных материалов», снятом по сценарию Уильяма Гибсона, одна девушка, компьютерный гений-гот, хочет, чтобы ее загрузили в Интернет, где она могла бы достичь нематериального единения со своим бойфрендом. «Представь, что ты настолько сливаешься с другим человеком, – размышляет Эстер, – что уже не нуждаешься в своем физическом „я“. Ты един». Но для других это означает, что угрожающие силы непрерывно покушаются на последние остатки пространства «я», а само представление об отдельной и автономной личности разрушается, что волнует еще больше.

Диалектика связности усложняется из-за замыкающихся друг на друга метафор, которые используются для ее описания. Поток информации и капитала на мировом рынке на-

поминает работу иммунной системы или наоборот? Угроза вирусного заражения и проникновения – она буквальна или это метафора? Экономика просто похожа на какую-то экосистему, или она действительно стала одной из них? В бодрьеровском описании экстаза коммуникации, к примеру, смешиваются метафоры из области биологии («протеиновая» «эра соединений»), социальной гигиены («грязный промискуитет») и кибернетики («распределительный центр»).

В контексте таких проектов, как расшифровка генома человека, биологическое и информационное начинают не просто походить друг на друга, а на каком-то базисном уровне становятся одним и тем же. В своем исследовании возможностей и подводных камней связности Кевин Келли использует слово «живые системы» для описания усиливающейся равнозначности между машинами, которые живут, и живыми созданиями, которые ведут себя как машины. Келли анализирует самые разные примеры: искусственно созданные экосистемы наподобие «Биосферы II», структуры глобальных корпораций, телефонные сети и коллективный разум муравьев из одного муравейника. На глубинном уровне они работают одинаково. Но дело не только в том, что на первый взгляд разные области биологической, социальной и экономической жизни начинают смыкаться в пространстве все более и более взаимосвязанных систем.

Сами концептуальные способы анализа связей тоже начинают сливаться между собой, точнее говоря, становит-

ся труднее различать прежде обособленные сферы жизни. Перед многими из этих научных попыток стоит непростая задача найти язык, способный уловить нарастающую взаимосвязь под внешней разнородностью. Метафоры заговора охотно подписываются под такой проект. Но вместе с этим они и сами претерпевают изменения.

* * *

Компьютерные вирусы тоже обитают в промежуточном мире, где смешиваются между собой буквальное и метафорическое. Теперь биологи по-новому описали «настоящие» вирусы как инертные последовательности кода (софт), поджидающие подходящего хозяина («железо»), где они могли бы начать действовать.

Как эпидемия СПИДа заставила осознать феноменальную взаимосвязь социального мира, так и некоторые известные компьютерные вирусы высветили тревожную взаимозависимость мира дигитального. Так, в марте 1999 года вирус Melissa нагнал страх на киберпространство, вызвав заголовки в духе реальной вирусной угрозы, заявлявших о себе ранее. Этот вирус заставлял компьютер автоматически рассылать электронные письма с вложенным зараженным файлом, содержащим документ в формате Word, который редактировался на компьютере в момент отсылки сообщения.

Письма рассылались по первым пятидесяти адресам из ад-

ресной книги пользователя раз в час. Внезапная перегрузка в результате идущих по цепной реакции электронных писем вывела из строя несколько почтовых серверов.

Однако быстрее самого вируса распространялась волна тревожных историй о непоправимом вреде, который может вирус причинить, слухи, которые, как выяснилось, были фантастически преувеличены. Бесчисленное число раз возникла моральная паника по поводу хакеров, которые проникают в жизненно важные компьютерные системы и выпускают компьютерные вирусы в информационное пространство. Многие из этих параноидальных страхов оказались безосновательными, поскольку, как полагали одни, их цинично распространяли, чтобы легитимировать усиливающийся государственный контроль над относительно анархичным Интернетом, или, как считали другие, намеренно разжигали компании, производящие программные средства защиты, чтобы укрепить свое положение на рынке.

Призрак цифровой вирусной эпидемии захватал воображение публики, о чем рассказывается, например, в голливудских фильмах «Тихушники» (1992), «Хакеры» (1995) и «Сеть» (1995). Притом, что окончательный обвал, похоже, никогда не перейдет в реальный мир, то, как ложные предупреждения бьют рикошетом по киберпространству, по иронии судьбы в конечном счете демонстрирует оглушающую взаимосвязанность Интернета. Ощущение параноидальной нехватки защиты, похоже, невозможно куда-то упрятать, ибо

каждый из нас невольно становится очередным звеном в цепной реакции подозрения и заражения.

Паника вокруг непреодолимой вирусной связности Сети – это призрак, преследующий инфляционную раскрутку нового цифрового мира медиа. Скоро, как нам обещают, все будет связано между собой: газеты, книги, телевидение, музыка и видео будут доступны через один комплексный интерфейс. Скоро, как нас уверяют, между собой будут связаны все люди. При существующих темпах развития, как в 1995 году обещал своим читателям эксперт по киберпространству Николас Негропonte, к 2003 году пользователей Интернета будет больше, чем живущих на земле людей. И хотя эта статистика остается выдумкой (учитывая, что большая часть населения земного шара не имеет у себя дома даже водопровода и электричества, не говоря уже о компьютере), все же едва ли будет преувеличением сказать, что во Всемирной паутине все – если не каждый человек – в конечном счете связано. Каждая страница связана по меньшей мере с еще с одной и так далее, так что теоретически (пусть вряд ли на практике) можно бесконечно переходить с одного сайта на любой другой.

* * *

Некоторые комментаторы жалуются, что как раз ненасытная связность Сети превращает ее в идеальную почву

для конспирологического мышления. В частности, как рассуждают сторонники этой точки зрения, структура Сети поощряет самые параноидальные перекрестные ссылки. Часто раздаются причитания, что киберпространство становится не идеализированной стараниями дигерати городской ратушей, но, скорее, бесконечным торговым центром, где полно порнографии и сумасшедших и конспирологов. Эти две головокружительно популярные страсти Интернета разделяют логику сокрытия и разоблачения, и все чаще доступ к тайным пространствам обеих осуществляется при помощи кредитной карты. И в том, и в другом случае вовлечение зрителя предполагает обнажение.

Другие комментаторы обвиняют Сеть за то, что в ней свободно плодятся опасные вирусы ложной информации, поскольку слухи циркулируют и распространяются по перекрестным ссылкам по всему миру, достигают критической массы и принимаются на веру. Опасение вызывает то, что если параноидальные слухи разместить на достаточном количестве сайтов, вскоре они будут восприниматься как факт. Конспирологическое утверждение Пьера Сэлинджера (которое он сделал в 1996 году) по поводу того, что в деле разбившегося авиалайнера компании TWA, летевшего рейсом 800, что-то скрывают, подняло страхи на новую высоту.

Точно так же, когда на волне взрыва в Оклахоме общественность обнаружила, что прежде страдавшая технофобией милиция использовала для пропаганды своих идей элек-

тронные доски объявлений, электронную почту и вебсайты, появилась масса газетных передовиц, авторы которых морализировали по поводу опасно соблазнительной и проникающей повсюду власти Интернета. Несмотря на преувеличенность этих паникерских криков, приходится признать, тем не менее, что новые средства медиа вообще и Сеть в частности способствуют расцвету конспирологического мышления. Удобная для пользователя Сеть дает возможность широко и практически свободно знакомиться с альтернативными идеями, то есть делать это потенциально неотслеживаемым и не подверженным цензуре образом.

В отличие от прежних форм культуры заговора, Сеть позволяет любому человеку предлагать потенциально безграничной аудитории любые, даже самые сумасшедшие, взгляды, без всяких ограничений, контроля качества и часто без юридического возмездия. Раз уж это так легко – вырезать и вставлять из других страниц и документов, то конспирологические сайты могут получить причудливую и сложную структуру, поскольку каждая второстепенная теория заговора связана со всеми остальными. Но больше всего Сеть поощряет пользователей устанавливать и отслеживать скрытые связи.

В дешевых триллерах можно часто столкнуться с бесконечным лабиринтом информационного пространства, порождающим конспирологические рассказы о злобных заговорщиках и корпорациях, захватывающих спутники и ком-

пьютерные сети. Поэтому не удивительно, что сюжет «Нейроманта» Уильяма Гибсона (1984), первого литературного описания объединенного сетью мира информации, вертится вокруг «консольного ковбоя» Кейза, которого нанимают взломать и разрушить Tessier-Ashpool S.A., похожий на улей зловещий конгломерат с планами на мировое господство, превратившийся в организацию, контролируемую искусственным интеллектом.

Оглядываясь назад, кажется почти неизбежным, что роман, который помог представить Интернет, был выстроен по конспирологической логике триллера. Точно так же, как триллер предлагает компенсаторные удовольствия от наблюдения за тем, как герой-одиночка обнаруживает улики, доказывающие преступления правительства и корпораций, так и конспирологические теории Сети дарят пользователям замещающее ощущение могущества, превращая их в активных участников расследования.

Наряду со страхами перед злоупотреблениями корпораций развитие Интернета, как мы знаем сегодня, подпитывается популистской, хакерской этикой «освобождения» информации, где бы она ни хранилась в киберпространстве. Как говорят хакеры и кибергуру, информация хочет быть свободной, и у них находится немало адептов, которые только рады освободить информацию, секретную или какую-либо другую. Этика хакеров поощряет конспирологов обнародовать сокрытую информацию, которую нельзя найти где-

нибудь еще.

Истина где-то там, обещают «Секретные материалы», но ее придется еще поискать в невероятной груде информации, содержащейся в Сети. На каждого обитателя Сети, радующегося утопическим возможностям, появляющимися оттого, что ничто не остается в тайне из-за бесконечной связности свободно распространяющейся информации, найдутся те, кто укажет на слишком благоприятные условия для развития паранойи в интегрированных компьютерных сетях, контролирующих все большую часть повседневной жизни в киберпространстве.

Многих беспокоит, что усиливающееся проникновение Интернета в личные и деловые взаимоотношения приведет к установлению системы повсеместной государственной слежки: подобные опасения появились не в последнюю очередь из-за планов американского правительства дать разведслужбам секретный доступ к любой публичной системе шифрования. Притом, что Интернет далек от превращения во всевидящее электронное око государства, все-таки очень похоже, что он создает условия для вторжения корпораций в частную жизнь путем постоянного и организованного сбора информации об отдельных людях, происходящего при каждом посещении вебсайта и любой онлайн-овой сделке.

В условиях Нового Мирового Порядка электронной коммерции наши желания бесконечно предсказуемы, реализуемы в любой момент и уже перестают полностью принадле-

жать нам самим.

* * *

Получается, что высокая степень взаимосвязанности Сеги делает ее привлекательной для конспирологического мышления как по форме, так и по содержанию. Происхождение Интернета, связанное с оборонной стратегией времен «холодной войны», придает ему дополнительный ореол секретности и тайны. Но можно говорить и о том, что структура Интернета работает против логики заговора. Интернет возник из ARPANET, проекта Управления перспективных исследований министерства обороны США, реализация которого началась в 1969 году, и был создан на основе схемы, разработанной корпорацией Rand в самом разгаре гонки атомных вооружений.

Смысл состоял в том, чтобы связать линии связи через компьютер так, чтобы при уничтожении части системы в результате ядерной атаки обеспечить поступление информации в обход нарушенного участка. По сути это была модель децентрализованной сети, в которой каждый узел оказывается связан с множеством других узлов, что позволяет избежать необходимости централизованного канала связи. Подобная структура, хотя и невообразимо более сложная, остается главным принципом Интернета и по сей день.

Несмотря на попытки различных правительственных ор-

ганов навязать некую форму контроля сверху, по большей части Сеть остается свободной от какой-либо центральной власти. По мнению самых больших утопистов среди апологетов Сети, это как раз и есть ее величайшее преимущество. Для многих киберпрорицателей децентрализованная анархия Интернета не только не контролируется, но и не поддается контролю, будь то при помощи деспотического государственного вмешательства или тайной хитрости заговорщиков. Как считают приверженцы этой точки зрения, если конспирологи попытаются найти тайную руку и тайный центр в Сети, то они будут разочарованы просто потому, что сеть сетей не имеет центрального управления, скрытого или какого бы то ни было еще.

Итак, насколько сама структура Сети, судя по всему, поощряет паранойю, в той же степени на более глубоком и фундаментальном уровне она предлагает радикальную альтернативу традиционному страху и вере конспирологов в невидимую длань, управляющую нашими жизнями.

Экологическое осмысление связности бросает похожий вызов обычным рассуждениям, свойственным конспирологическому мышлению. Экологические представления о связности с легкостью склонились к версиям в духе легкого мистицизма, начиная с наркотического ощущения присутствия «вторичного озарения», появляющегося у рассказчика в «Радуге тяготения», и заканчивая оптимистической уверенностью (которая зачастую проистекает из распростра-

ненных представлений о гипотезе Геи) в том, что наша планета сама в состоянии позаботиться о себе.

Однако есть и другое мнение по поводу взаимодействия технологии и экологии, связанное с более тревожным постгуманистическим видением последствий такой связности. Толчком к этому новому мышлению послужило развитие теории хаоса и теории сложности. Их смысл в том, что чем больше элементов связано в одну систему (будь то экологическая или компьютерная система), тем выше вероятность того, что она начнет самоорганизовываться по новым и непредсказуемым моделям сложного поведения.

Среди простых примеров подобной самоорганизации – пчелиные ульи, муравейники и птичьи стаи. Немыслящие отдельные создания занимаются своим делом без какого бы то ни было ощущения более крупной общности, но из бесконечных цепочек коммуникации и непрерывной обратной связи внутри группы возникает сложное и согласованное целое, которое, кажется, обладает ощущением цели и идентичности. Считается, что отдельные пчелы могут что-то помнить лишь в течение нескольких дней, но пчелиный рой, судя по всему, «помнит» расположение, скажем, возможного места для нового улья на протяжении нескольких месяцев, что превышает продолжительность жизни любой пчелы.

«То, что рождается в коллективе, – суммирует Кевин Келли в своем исследовании таких систем, – это не серия важных индивидуальных действий, но множество одновремен-

ных действий, чья коллективная модель имеет куда большее значение. Такова модель пчелиного роя».

Полагают, что подобным образом устроены целые экосистемы, поскольку в них цепочки взаимной обратной связи обеспечивают удивительный уровень сложности и стабильности.

Ученые стали обнаруживать возникновение самоорганизующейся сложности в результате на первый взгляд случайной связности в широком спектре природных и искусственных систем (если считать, что это различие сохраняется и до сих пор). Сейчас, например, существует теория о том, что человеческий интеллект рождается из неразвитого и не имеющего отношения к мышлению взаимодействия нейронов, бесконечно связанных друг с другом в головном мозге.

Точно так же компьютерные программы моделируют возникновение искусственной жизни, реконструируя экосистемы, которые развивают собственные формы сложного поведения благодаря непрерывному взаимодействию и совершенствованию относительно простых основных правил. Можно приводить самые разные примеры: от цифрового моделирования поведения птиц в стае – до компьютерной программой Polyworld, запускающую искусственную экологию математических форм, приспособляющихся и развивающихся с течением времени.

Некоторые сторонники искусственной жизни утверждают, что эти эксперименты являются не просто имитацией

жизни, а уже ее формами – в кремнии. Вдохновленные новой математикой теории хаоса, некоторые экономисты точно так же стали представлять мировую экономику в качестве разновидности сложной самоорганизующейся системы, отличающейся и непредсказуемостью, и неконтролируемостью. В процессе перекрестного идейного опыления, в результате которого и родилась теория о том, что все эти системы в конце концов связаны друг с другом, и культурологи стали предполагать, что сама человеческая культура обладает всеми признаками больших живых систем. А согласно последней фантазии новой биологии, техношаманы Интернета размышляют о том, что, благодаря непрерывному переплетению компьютерных систем во всем мире, может быть неожиданно достигнут абсолютно новый (и совершенно иной) уровень самоорганизующейся сложности (по сути, сознание в виде разросшегося на весь мир улья).

* * *

Эти новые теоретические концепции предполагают два важных следствия. Во-первых, традиционные модели причинно-следственных связей применительно к подобным системам не работают. Очевидная связь между причиной и следствием перестает существовать: мелкие причины способны вызывать значительные следствия и наоборот – внушительные причины могут привести к незначительным по-

следствиям по отношению ко всей системе в целом.

Эта мысль воплощена в ставшем уже общим местом изречении про бабочку, которая, взмахнув крыльями в одном месте, может вызвать ураган в другом полушарии планеты. Хотя теоретически эти два события связаны, на практике нет никакой надежды когда-нибудь проследить эту причинно-следственную связь.

Более того, переплетение действующих в глобальных системах механизмов не прямых обратных связей – начиная с погодных явлений и заканчивая мировой экономикой – означает, что все воздействует на все в непрерывно, и этот процесс нельзя разложить на отдельные звенья в цепи причин и следствий. Как раз из-за того, что все связано, невозможно вычислить, как из одного вытекает другое.

Вторая отличительная особенность сложных систем заключается в том, что они не просто не контролируются, а в значительной степени не поддаются контролю. Так, за поведением пчелиного роя не стоит никакого скрытого разума – даже матка является всего лишь бездумным поставщиком яиц и не несет ответственности за управление всем роем. Точно так же в мозгу человека нет никакого разумного гомункула, отвечающего за истинный разум, кроющийся за электрохимическим взаимодействием нейронов. Как объясняет Келли, одна из отличительных черт сложных коэволюционирующих систем подразумевает «отсутствие навязанного централизованного контроля».

Поскольку все горизонтально связано через сеть (вместо идущей сверху вниз цепочки команд), существует лишь небольшая вероятность, что удастся установить твердый контроль над экосистемой без риска запустить какую-нибудь непредсказуемую и нежелательную цепную реакцию, которая может выйти из-под контроля. Кое-кто из теоретиков утверждает, что это утверждение справедливо не только для природы (в том числе и искусственно созданной), но и для культурных систем.

Описывая современную медиа культуру, Дуглас Рашкофф утверждает, что конспирологические теории о призрачных заговорщиках, контролирующих мировую индустрию информации и развлечений сверху донизу, уже неубедительны. «За исключением самых примитивных консерваторов и фундаменталистов, – настаивает он, – мы больше не виним какую-то группу людей вроде „культурной элиты“ или „еврейского заговора“ в очевидном социальном влиянии массмедиа».

Массмедиа живут «собственной жизнью, – продолжает Рашкофф, – и ведут себя как живое существо, несмотря на наши попытки удержать их». Он предупреждает, что, хотя массмедиа в буквальном смысле не находятся под контролем, тем не менее они обладают огромной властью над нами. Эта ситуация потенциально способна нагнать паранойю не хуже распространенного в прошлом подозрения о том, что массмедиа ловко используются в рамках настоящего загово-

ра в интересах истеблишмента. Однако отсутствие контроля позволяет использовать механизм воздействия в обратную сторону. Мнения и образы распространяются в медийном пространстве на манер вирусов (известных как «мемы»), так что можно, считает Рашкофф, запустить мем-троян, чтобы направить всю мощь массмедиа на подрывные цели, хотя и без гарантии результата.

Эти рассуждения можно развить и дальше. Если не существует способа установить власть над относительно ограниченным пространством масс-медиа, то остается еще меньше шансов разумно и безжалостно управлять широким полем истории, будь то официальными или тайными методами, к добру или к худу. По этой модели история, как и неуправляемая сила массмедиа, живет собственной жизнью.

Это живая система, неподвластная контролю какого-либо одного органа, даже тайной клики заговорщиков.

* * *

В конечном итоге эти пробужденные теорией хаоса вызовы параноидальному мышлению скорее всего окажутся не более эффективным заслоном на пути легковерия, чем другие строгие предупреждения о том, что конспирологи неверно представляют себе, как работает история. Но, несмотря на всю настойчивость, с какой эта новая парадигма отправляет конспирологическое мышление на интеллектуальную свал-

ку, в остальном риторика заговора кажется привлекательней, чем когда-либо.

В распределенных системах примечательно не столько то, что никто не несет ответственность, сколько то, что они функционируют так, как если бы за их поведением стоял планирующий разум. Последствия расширяющейся связности игнорируют логику и описания. Причинно-следственная модель этих сложных систем принципиально контринтуитивна, и во многих отношениях сегодня не существует удовлетворительного способа объяснить или представить, как происходит возникновение высокоорганизованных систем из неразвитой случайной активности.

Если представить контроль в виде спектра, доказывает Келли, то на одном конце находится модель нисходящего доминирования, а на другом – вероятность полной бесконтрольности. Между этими крайними точками, указывает Келли, «находится множество разнообразных вариантов контроля, для описания которых нет подходящих слов». Некоторые направления культуры заговора, как я стараюсь доказать в этом исследовании, пытаются подобрать слова для этих новых вариантов контроля. Тем самым они изменяют как традиционное понятие контроля, так и традиционную логику конспирологии.

Эти разновидности повседневной паранойи (совершенно непреднамеренно) бросают вызов скептикам: если заговора не существует, то как объяснить, что все выглядит так, будто

он есть? Как еще вы объясните парадоксы причинно-следственных связей и контроля в мире, где все связано, не показавшись параноиком?

Конспирология может вводить в заблуждение и появляться из заблуждений, но ее сохраняющаяся привлекательность (наполовину всерьез, наполовину в шутку) указывает на то, что приемлемые неконспирологические объяснения для многих людей до сих пор оказываются столь же несостоятельными, как и конспирологические. Мы заперты между двумя способами представления, ни один из которых не убеждает нас вполне. Популярная риторика паранойи предлагает временное – хотя и неизбежно несовершенное – решение этой дилеммы, помещая свои выводы как будто *sous rature*.

Теория сложности возрождает метафору Адама Смита о невидимой руке, управляющей повседневным экономическим взаимодействием ни о чем не подозревающих участников рынка. По выражению Келли, «в Сети скрыта тайна Невидимой Руки – контроля без власти».

Но логика паранойи уговаривает нас воспринимать эту метафору буквально. В этом исследовании мы не раз сталкивались с примерами конспирологии, распространяющей подозрение по поводу существования некой злой силы, направляющей события, лишь для того, чтобы подвергнуть сомнению само это утверждение.

В своих самых креативных и тревожных проявлениях

культура заговора способна бросить нас в эпистемологических зыбучих песках между буквальным и фигуральным, между уверенностью и сомнением – по сути, между прежней верой в гуманизм и пока еще неубедительным и пугающим постгуманистическим будущим.

Надежду во всеобщей связности могут найти какие-нибудь умники в Сети и эковизионеры, у других же представления о тотальной связи вызывают лишь страх и цинизм. Возникает опасение, что в конце концов все будет связано в рамках медийного конгломерата, все будет выставлено напоказ и станет доступным – по высокой цене. В этом изображении тотального насыщения исчезнут последние островки тайны и непокорства, ведь все попадет под контроль медийно-военно-промышленного комплекса, которому уже даже нет необходимости прикрывать свое помешанное на власти господство.

* * *

Единственная надежда спастись от тотального контроля связана с последними оставшимися пространствами, избежавшими его железной хватки. «Секретные материалы» укоренены в захолустье тихоокеанского Северо-Запада. Эпизоды «Секретных материалов» в общих чертах можно разделить на паранормальные (монстр недели) и параноидальные (непрерывная линия заговора).

Действие паранормальных эпизодов обычно происходит в темных лесах и мрачных городишках – анахронических остатках прежнего мира, которого каким-то образом не коснулся неумолимый процесс модернизации и рационализации. Отсюда можно сделать вывод, что паранормальные твари наподобие Флюкмана (получеловек, получервь), «Биг Блю» (что-то вроде лохнесского чудовища) и красноглазого духа из опасного доисторического леса временно избежали того, что Макс Вебер назвал «железной клеткой» современности.

Тем не менее странные создания и явления, которые Малдер и Скалли исследуют в отдельных историях о необъяснимых вещах и эпизодах с новыми монстрами, довольно часто оказываются как-то связаны со страшными правительственными экспериментами, которые пошли не так, как задумывалось, и следовательно, возможно, имеют отношение к обширной взаимосвязанной схеме заговора. Непонятные монстры и психические явления не столько спасаются от модернизации, сколько оказываются побочным продуктом ее специфического направления.

Так, Флюкман в остроумной вариации на тему известной городской легенды, – это чудовище, обнаруженное в канализации Нью-Джерси. Выясняется, что это существо появилось в результате генетической мутации, как выражается Скалли, в «первичном супе радиоактивных нечистот», которые были завезены в Америку на русском судне, вывозившем радио-

активные отходы из Чернобыля.

Точно так же агенты ФБР, расследующие убийства в компании, связанной с высокими технологиями, обнаруживают, что главный компьютер в здании проявляет зловещие признаки искусственной жизни и кто-то на уровне правительства крайне в этом заинтересован.

В другой вариации на ту же тему зрителям демонстрируют возможность того, что какие-то необъяснимые события и странные явления могут быть сфабрикованы для прикрытия, чтобы скрыть еще более страшные махинации, за которыми стоит заговор. Так, Человек в Черном из известной в уфологии сверхсекретной Зоны 51, которого случайно перемещают в тело Малдера, выдает, что несколько заголовков газеты «Одиноких стрелков» были намеренной дезинформацией, им же и придуманной. В обоих случаях паранормальное неумолимо поглощается ненасытной связностью параноидального.

Постер с изображением НЛО, висящий в кабинете Малдера, гласит: «Я хочу верить». Плакат отражает атавистическую жажду Малдера чего-то такого, что находится за пределами логической критики ортодоксальной науки, проводником которой первоначально служит агент Скалли, – и даже вне досягаемости длинных щупалец заговора. По сути, этот постер демонстрирует желание того, что выходит за границы нормального и контролируемого. «В такой возможности я вижу надежду», – признается Малдер агенту Скалли.

ли. Но в конспирологических эпизодах «Секретных материалов» речь идет о том, что неизвестное очень часто нужно искать внутри центров власти, например в невероятно огромных архивах, которые хранятся в подвалах Пентагона, где, как нам показывают, Курильщик прячет украденные доказательства существования инопланетян, и куда получает доступ Малдер, чтобы отыскать средство, которое излечило бы Скалли от рака. Малдер и Скалли также попадают в бескрайний правительственный архив, который размещается в заброшенной шахте под какой-то горой и в котором, судя по всему, хранится секретная медицинская информация о каждом американце. Увеличенная цифровым способом череда бесконечных картотек – один из главных образов «Секретных материалов», название правительственного учреждения указывает на архив ФБР, о котором нельзя говорить и в существовании которого Бюро не признается.

* * *

Несмотря на все сцены, где фигурируют неизвестные заговорщики, «Секретные материалы» часто намекают на то, что заговор возникает не за пределами закона, а в повседневной деятельности запутанной государственной бюрократии. Доказательства заговора очень часто приходится искать в самих коридорах власти, и фильм не раз концентрирует внимание на изображении и риторике похожей на лабиринт бюро-

кратии в сценах брифингов, презентаций официальных отчетов, встреч и слушаний комиссий на высшем уровне.

В захватывающий момент между четвертым и пятым сезоном во время напряженного дисциплинарного слушания Скалли заявляет, что заговор, «который должен был заставить агента Малдера и меня прекратить работу», был «спланирован и осуществлен кем-то, кто находится в этой комнате».

Разгадку необъяснимого приходится искать даже в сознании и телах агентов. Добиваясь, чтобы ему разрешили пройти опасную процедуру, которая помогла бы вернуть утраченные воспоминания о похищении сестры, Малдер настаивает на том, что «истина здесь, она записана, и у меня есть к ней доступ».

Заговор, похоже, проник даже в тело агента Скалли, когда она обнаруживает зловещий инопланетный чип в своей шее и чужеродный генетический материал в своей ДНК. Когда недавно переживший разочарование Малдер пытается убедить Скалли в том, что разгадки кроются не в рассказах об инопланетянах, а в секретных правительственных экспериментах, он заявляет, что «твой рак, твоё выздоровление, всё, что происходит с тобой сейчас, – всё это указывает на чип. Какую истину ты ищешь? – риторически спрашивает Малдер. – Эта истина заключена в тебе».

Насколько конспирологическая истина «где-то там», как утверждает фирменный слоган фильма, настолько в то же

время ее нужно искать «где-то здесь», внутри властных кругов в Вашингтоне, внутри собственного разума и даже внутри собственного тела.

«Секретные материалы» создают аллегорию того, как сам аппарат государственной власти и бюрократии порождает из своих недр, причем почти произвольно, проникающую повсюду атмосферу заговора. Но вместе с тем фильм с очевидностью намекает, конечно же, на зловещего и безжалостного кукольника, дергающего за ниточки. Это чувствуется в ряде повторяющихся сцен, указывающих на невидимые руки, управляющие историческими событиями.

Предлагая слишком много претендентов на роль заговорщиков в круге бесконечно обновляющейся власти, «Секретные материалы», однако, медленно подрывают устоявшееся представление об организации, на основе которого строятся традиционные теории заговора.

Цепочка, складывающаяся на протяжении семи сезонов из подхалимства, двуличия и давления, оказывается невероятно длинной. Сначала два высокопоставленных чиновника велят агенту Скалли как ученому наблюдать за агентом Малдером, который занимается расследованием паранормальных явлений (а, может быть, и разоблачить его). Но вскоре Скалли обнаруживает, что сама находится под наблюдением, замечая какое-то зловещее устройство наблюдения в своей ручке.

Поначалу кажется, что помощник директора Скиннер,

непосредственный начальник Малдера и Скалли, просто наблюдает за работой агентов, но по мере развития сюжета отношения Скиннера с агентами и его боссами вступают в большее противоречие, что заставляет специальных агентов подозревать, что он сотрудничал с загадочным Курильщиком все время.

Сначала Глубокая Глотка, а потом и более сомнительный Икс передают Малдеру инсайдерскую информацию, имеющую хождение, как кажется, только на самых высших уровнях, но, как вынужден признать Икс, его знания не безграничны.

Похожим образом в комической вариации на тему мифологии, выросшей вокруг Зоны 51, оказывается, что даже начальник объекта, территория которого стала эпицентром активности НЛО, не знает, что происходит на самом деле: они лишь пилотируют НЛО, которые производятся где-то в Юте. Когда Малдер получает неограниченный допуск в это святое святых засекреченной информации, командир базы пользуется возможностью спросить у специального агента ФБР, «существуют пришельцы на самом деле» или нет. В условиях сравнительной эпистемологии, основанной на принципе служебной необходимости, ни у кого нет полной картины происходящего.

Если у кого и было общее представление о ситуации, то у Курильщика. «Больной раком» (как называет его Малдер) – образ главного заговорщика, дергающего за нити истории. Он работает в бюрократическом аппарате правительственных разведслужб, но его власть выходит за пределы их контроля.

Мы даже видим, как он в одиночку режиссирует главные события, равно как и детали истории. Он лично делает выстрел, убивающий президента Кеннеди, помимо того, что заказывает убийства Мартина Лютера Kinga и Роберта Кеннеди. Но в другой раз Курильщик оказывается простым исполнителем Синдиката и получает приказы от выведенного в предельном образе всемирного теневого правительства («консорциум, представляющий мировые корпорации»), порой обнаруживая, что ключевые решения принимаются без него. В драматическом повороте сюжета, происходящем в начале пятого сезона, убивают уже самого Курильщика, вероятно, по приказу Синдиката.

Синдикат, как и Совет по иностранным делам, по образцу которого он и построен, тайно собирается в центре Манхэттена. Синдикат кажется главным игроком во всемирном заговоре, к которому относятся инопланетная колонизация и эксперименты с ДНК человека.

Поначалу ведущим игроком в Синдикате кажется Человек с Маникюром, но даже его бесцеремонно убивают, подкладывая бомбу в его машину в фильме «Секретные материалы: Борьба за будущее» (1998). По-видимому, организаторами этого убийства стали его прежние партнеры, участвовавшие в том же заговоре, что и он. Впоследствии в одной из серий того же сезона обнаруживается, что, вероятно, сам Синдикат был всего лишь одним из игроков в некоей международной игре, на существование которой указывают сомнительные отношения и возможности таинственной русскоговорящей женщины, представляющей ООН.

Мы даже начинаем подозревать, что обе стороны в этом порядке, возникшем после завершения «холодной войны», – просто пешки в последнем сценарии вездомного господства. Так, в эпизоде «Один сын» в шестом сезоне членов самого Синдиката почти полностью уничтожает группа невыразительных инопланетных мятежников. Чем дальше развиваются события в сериале, тем больше кажется, что к загадке абсолютной власти причастен еще какой-то игрок. Как выражается Скиннер, «мы все получаем приказы от кого-то».

У Скалли появляется повод напомнить об этом Скиннеру, когда тот обещает сделать все возможное для того, чтобы предать правосудию убийцу отца Малдера. «При всем должном уважении, сэр, – говорит Скалли Скиннеру, – думаю, что вы переоцениваете свое место в командных инстанциях».

Узнав в начале пятого сезона, что все доказательства существования пришельцев подделаны, Скалли сама вынуждена столкнуться с вероятностью того, что «на протяжении четырех лет мы были всего лишь пешками в какой-то игре». В конечном итоге каждого контролирует кто-то еще.

Снова и снова Скалли и Малдер, а вместе с ними и зрители узнают, что «все происходит гораздо выше», чем мы могли ожидать, как предупреждает Малдера Икс, пришедший вместо Глубокой Глотки. Каждый раз, когда мы думаем, что знаем, кто за всем стоит, выясняется, что это просто не подозревающие ни о чем исполнители задуманного кем-то другим заговора.

В этом смысле настоящий центр власти постоянно смещается, поскольку окончательное разоблачение самого последнего заговора неизменно откладывается. «Ты никогда еще не был так близко», – ободряюще говорит Малдеру Глубокая Глотка в эпизоде «Колба Эрленмейера» в конце первого сезона, но шесть сезонов спустя мы начинаем сомневаться в том, действительно ли Малдер стал хоть чуточку ближе к последней истине. Доказательства тайных манипуляций встречаются на каждом шагу, но в то же время нельзя назвать место, откуда осуществляется самый главный контроль. «Внутри групп есть другие группы, – предупреждает Глубокая Глотка в „Колбе Эрленмейера“, – которые ведут секретную деятельность, неизвестную в самых верхах».

Таким образом, запутанная и непостоянная сеть тайного господства дает толчок самой себе. Последняя инстанция власти и управления непрерывно отдаляется, словно в игре в приседания, когда собранные в круг участники одновременно садятся на колени за одним из игроков, из-за чего (метафорический) трон всегда оказывается на одного человека дальше.

В итоге складывается парадоксальная ситуация: чем больше «Секретные материалы» обещают разоблачить традиционный гуманистический заговор, целью которого является вертикальный контроль, тем больше кажется, что фильм рисует децентрализованную власть в духе Фуко, которая распространена по всей системе, но ни имеет конкретного местонахождения. Показывая нарастающее отчаяние и разочарование от невозможности когда-нибудь добраться до сути вещей, Малдер заявляет на встрече уфологов, что «в основе правительственной программы» лежит «заговор, завернутый в заговор».

Даже устрашающе запутанные связи в сюжете «Секретных материалов», пожалуй, на самом деле не то, чем они кажутся. На протяжении семи сезонов зрителей медленно, но верно заставляют предполагать, что в конспирологических эпизодах более или менее все – и даже изрядная доля в эпизодах

про паранормальные явления – связано.

Похищение сестры Малдера связано с секретными медицинскими экспериментами, в которых после войны участвовал его отец, которые связаны с операцией «Скрепка», проводившейся нацистскими учеными, которая имела какое-то отношение к опытам по клонированию, которые связаны с похищениями инопланетянами, которые являются частью экспериментов с ДНК, которые имеют отношение к злоеющему раку, заволакивающему глаза черной масляной пленкой, который является важной частью планов по инопланетной колонизации, и так до бесконечности.

Проведя собственное расследование, Скиннер в эпизоде «Возвращение II» выясняет, что проникшему в ФБР кроту, начальнику отдела Блевинсу платила какая-то имеющая отношение к биотехнологиям компания, которая «как-то связана со всем этим». Точно так же, когда Скалли обнаруживает, что в крови мальчика, гениально играющего в шахматы и одаренного ясновидением, содержится тот же вирус, найденный в ее крови, Малдер спрашивает у нее, что это значит. «Не знаю, – отвечает она, – не знаю. Но думаю, мы наткнулись на что-то огромное. На какую-то связь». На что Малдер невозмутимо замечает: «Ну так сделай ставку и подними выше».

В том же эпизоде Скалли обнаруживает, что ДНК из ногтя таинственного и кровожадного создания совпадает с ДНК того, кого Малдер считает пришельцем, а его ДНК, в свою

очередь, совпадает с мутировавшей ДНК самой Скалли и т. д.

«Секретные материалы» постоянно дразнят зрителей обещанием, что в конце концов все раскроется и станет ясен масштаб взаимосвязанного заговора. Но как никогда не будет обнаружен источник истинной власти, точно так же никогда не будет полностью явлена окончательная правда о темном прошлом и зловещем будущем.

По мере развития сюжета зрителям демонстрируют соблазнительные доказательства, которые, как кажется, подтверждают существование и пришельцев, и паранормальных явлений. Но эти разоблачения неизменно ставят больше вопросов, чем дают ответов. Так, когда Малдер охотится, как ему кажется, за захваченным телом разбившегося инопланетного пилота в эпизоде «В. Б. С.» в первом сезоне, перед ним не раз мелькают неопровержимые доказательства, однако, все время ускользающие от него.

Он начинает подозревать, что большая часть событий (например, то, что кажется впечатляющей операцией по спасению захваченного пилота, организованной кем-то сверху) была подстроена специально, чтобы сбить его со следа и не дать узнать, как все обстоит на самом деле.

Докладывая о подстроенной смерти своего напарника (который на самом деле не погиб) в эпизоде «Гефсиманский сад», Скалли сообщает комиссии, что при расследовании обстоятельств, связанных с найденным в толще льда трупом

инопланетянина, Малдер «был введен в заблуждение научным трюком, рассчитанным на то, чтобы навсегда сохранить ложные истины», а именно – «еще большую ложь». С учетом бесконечно множащихся ложных улик, в «В. Б. С.» Малдер признается: «Я вот думаю, в какую ложь верить».

* * *

Хотя и продолжая удивляться каждый раз, мы начинаем ждать нового сюжетного поворота в конце каждого эпизода: в результате этого финта важное доказательство наверняка либо исчезнет, либо окажется не тем, чем казалось сначала. Любой несомненный факт в конце концов подвергается сомнению, а решающее доказательство все время ускользает.

Так, в конце второго сезона Малдер получает зашифрованный компьютерный файл, добытый каким-то хакером. В этом файле, судя по всему, содержится информация обо всех делах министерства обороны с пришельцами с момента крушения в Росуэлле. Но когда Малдер так соблазнительно близко подбирается к документам MJ-12, этому Святому Граалю уфологии, его отца убивают, да и ему самому едва удастся уцелеть. Магнитную ленту с информацией отбирают у Скиннера, а распечатку файлов, хранившуюся у Скалли, крадут, когда ее машину останавливают военные.

В другом эпизоде второго сезона Малдер и Скалли обнаруживают признаки финансируемых правительством опытов

по заражению болезнью, недавно обнаруженной в тропических лесах, на ничего не подозревающих заключенных. Спецагенты вновь приходят в ярость из-за того, что все материальные доказательства испаряются: тела заключенных сожжены, а сам инцидент власти объясняют ошибочным адресом (посылка из тропических джунглей попала к заключенному с такой же фамилией, как у ученого, которому она предназначалась). «Мы ничего не можем доказать, – сокрушается Скалли, – они позаботились об этом».

На протяжении фильма даже крайние полюса веры и цинизма не раз меняются местами. Если к трилогии «Гефсиманский сад» – «Возвращение» – «Возвращение II» в конце четвертого и в начале пятого сезонов Скалли начинает подозревать, что «где-то там» может быть больше, чем она предполагала раньше (не в последнюю очередь потому, что она должна как-то объяснить факт собственного похищения), то Малдер как раз засомневался.

Он уже не верит в то, что правительство участвует в заговоре с целью скрыть существование инопланетян, и вместо этого начинает считать эту внеземную историю специально выдуманной ложью, которая должна прикрыть программу зловещих медицинских экспериментов. «Ложь, в которую ты веришь, в которую они искусно заставили тебя поверить», как говорит Малдеру в «Гефсиманском саде» сотрудник министерства обороны, заключается в том, что «существует другая разумная жизнь, отличающаяся от нашей».

В результате перед Малдером предстает возможность того, что «все это был подстроено, все обман». В «Пациенте Икс» Малдер говорит на встрече уфологов, что его вера в пришельцев и даже его воспоминания о похищении сестры были ошибочны: «Заговор состоит не в том, чтобы скрыть существование внеземной жизни, – объясняет он, – а в том, чтобы заставить людей поверить в нее настолько, чтобы они больше ни в чем не сомневались».

Но к эпизоду «Два отца» в шестом сезоне Малдер начинает верить, что разоблачение кампании по дезинформации было подстроеным актом дезинформации, направленным на то, чтобы скрыть настоящую правду о том, что инопланетяне все-таки существуют.

Следовательно, любое на первый взгляд неопровержимое открытие обязательно будет изменено и перетолковано, запущено в спираль подозрения. Когда во втором сезоне Малдер наконец находит свою давно пропавшую сестру (ее похитили еще ребенком), он вынужден обменять ее на Скалли, которую похитил какой-то инопланетный наемный убийца. Потом выясняется, что девушка, которую Малдер считал своей сестрой, – один из многих идентичных клонов: все оказывается не окончательным открытием, а возможным доказательством специально подбрасываемых ложных следов, а значит, ниточкой к чему-то более крупному. Нет окончательных ответов, нет никакой священной правды, никакого твердого объяснения. Даже сам отдел «Секретные материа-

лы» был закрыт, а потом открыт, сожжен и предан забвению, воскрешен, опять закрыт – и в очередной раз открыт в шестом сезоне после того, как Синдикат, похоже, был уничтожен.

Мы можем заключить, что «Секретные материалы» используют принцип *differance*, прибегая к бесконечной отсрочке последнего знака, который заложил бы основу для цепочки значений. Намекая на то, что все связано, фильм с наименьшим старанием постоянно утаивает ключевую информацию, благодаря которой все сойдется. Так, в конце пятого сезона самым вероятным источником этой информации кажется Гибсон Прэйз, гениальный шахматист-очкарик, обладающий способностью ясновидения. Его ДНК может служить доказательством доисторической связи между людьми и инопланетянами. Но стоит ли говорить, что, пока мальчик находился под опекой Малдера и Скалли, его похитили до того, как агенты смогли найти убедительное доказательство. Без этой последней улики, без окончательного разоблачения фильм как и остается в свободном эпистемологическом падении, постоянно колеблясь между полным разоблачением и полным пшиком.

* * *

Пожалуй, современная культура заговора по большей части зависает в этой пограничной зоне. От бесконечного от-

кладывания окончательного разоблачения в «Секретных материалах» можно отмахнуться просто как от необходимого сюжетного хода, позволяющего фильму продержаться на протяжении семи сезонов и не имеющего никакого отношения к природе современной культуры заговора.

В буквальном смысле создатели фильма выставляют дело так, словно они подстраиваются под ситуацию, из чего следует, что ключевые сюжетные эпизоды, вроде похищения Скалли, были продиктованы скорее необходимостью как-то выкрутиться с беременностью актрисы Джиллиан Андерсон, чем какой-то более глубокой внутренней причиной. «Все дело в том, – признается Крис Картер, – сколько бы мы ни планировали, все равно остается так много всего, что мы не могли предвидеть».

Похожим образом тщательное обнажение параноидального разъяснения, которым занимается Пинчон, можно назвать всего лишь постструктуралистской игрой, которая при ближайшем рассмотрении не имеет никакого отношения к социальной культуре заговора.

Но в соответствии с той же самой логикой бесконечно оттягиваемого разоблачения выстраиваются некоторые самые известные примеры «реальных» конспирологических теорий, заявивших о себе за последние десятилетия. «Досье „Драгоценный камень“» и «Спрут» – одни из самых интригующих примеров. Своим утверждением, что все связано, они привлекли к себе широкое внимание среди конспирологов.

«Досье „Драгоценный камень“» представляло собой якобы коллекцию писем Брюса Робертса, который, по слухам, когда-то знал с разведслужбами.

В конце концов эти письма, очевидно, адресованные одному человеку (вероятно, матери Робертса), попали к Мэй Брассел, известной как ставшая-конспирологом-калифорнийская-домохозяйка.

Журналистка Стефания Каруана, которая жила у Брассел в середине 1970-х годов, прочла несколько писем и, чтобы как-то упорядочить для себя эту путаницу, набросала «схематичный ключ». Впоследствии эту краткую, снабженную комментариями хронологию, скопировали и размножили, переписанную от руки, а сделанные в ней открытия стали частью арсенала современной конспирологии. Сами письма никогда не публиковались, но «ключ» к ним в разных вариантах издавался по всему миру. В сжатой и отрывочной форме «Досье „Драгоценный камень“» описывает повсеместный заговор, определивший ход истории XX века. Этот заговор, куда втянуты Онассис, мафия и серые кардиналы в Америке, стоит за каждым крупным событием, которое только можно представить, – от убийства Кеннеди до Уотергейта, от исчезновения Говарда Хьюза до Чаппеквиддика.

Итак, на первый взгляд «Досье „Драгоценный камень“» строится по законам конспирологии, с жадностью втягивая все подряд в свою параноидальную орбиту и выдавая необоснованные слухи за непреложные факты. Однако форма и со-

держание «Досье „Драгоценный камень“» оказывается куда более интригующими. Кроме Брассел и Каруаны, никто эти письма в глаза не видел, и их количество вызывает споры. Каруана утверждает, что их было «больше тысячи» и что они были написаны в духе «Поминок по Финнегану».

В отличие от оригинала, записи в «ключе» загадочно сжаты и просто указывают на конечную связь, чем документируют ее. Эти записи скорее следуют ассоциативному принципу, чем прослеживают причинно-следственную и логическую связь, и порой в довольно сюрреалистической манере. Так, запись, относящаяся к январю 1973 года, гласит: «Тиссрон [глава кардинальского конклава в Ватикане] умер, но Церковь бросилась уничтожать все копии его бумаг, Робертс получил одну из них и сделал несколько собственных...» (1) «Соккрытие обстоятельств убийства Иисуса Христа»; (2) «Желтая раса не в Китае – Желтая раса совокупляется с мертвой Мэри-Джо Копечне»; (3) «Bank of America г-жи Джианни финансировал гибель Дж. Ф. К. в Далласе через Alioto's Фраггиано, Врэйдинга и Роселли» и т. д.

Эти имена всплывают то тут, то там, и возникает ощущение, что каждая случайная ассоциация ведет к разгадке какого-то более крупного и утаиваемого целого, которое постоянно куда-то сдвигается. «Досье „Драгоценный камень“» заканчивается на смерти Робертса в марте 1975 года, но продолжает жить собственной жизнью даже после смерти автора, поскольку Каруана продолжила размышления Робертса

в апреле, дописав в досье информацию о профинансированной Говардом Хьюзом попытке спасти тела русских моряков, погибших на затонувшей атомной подводной лодке.

Более того, появляется «Новозеландский „Драгоценный камень“», анонимная версия оригинала, в котором история Робертса рассказывается дальше с уклоном в новозеландские дела.

Наконец, тот факт, что кое-кто сомневается в существовании писем и даже самого Брюса Робертса, наводит на вероятность того, совсем в духе Борхеса, что текст Каруаны – это комментарий к несуществующему и потенциально бесконечному собранию разоблачений. Каждая новая связь и каждая новая версия событий еще больше умножают сомнения. Чем сильнее все взаимосвязано, тем больше это вызывает сомнений.

* * *

Теория взаимосвязанного заговора, предложенная занимавшимся журналистскими расследованиями Дэнни Касоларо и названная им «Спрут», очень похожа на «Досье „Драгоценный камень“».

Касоларо расследовал связи между так называемым «Октябрьским сюрпризом», историей с поставками оружия в Ирак и сверхдальнобойной пушкой, наркоторговлей, крахом банка ВССИ, а также историей с юридической компьютерной

программой «Промис», пока не погиб при подозрительных обстоятельствах.

Предположительно, программа была украдена приятелем генерального прокурора Эдвина Миза для использования с целью тайного правительственного наблюдения и шифровальных операций, а ее кражу покрывало министерство юстиции. Журналист был найден мертвым в комнате какого-то мотеля в Вирджинии в 1991 году, причиной смерти стало якобы самоубийство. Его тело забальзамировали до того, как было произведено вскрытие, а его записи исчезли.

Кроме как подозрительных обстоятельств смерти журналиста, считающихся доказательством того, что он был на правильном пути, все, что осталось, – мучительно короткая и неубедительная заявка на книгу, сделанная Касоларо. Реклама книги «Смотри, конь бледный: Правдивая криминальная история» сулит, что в конце концов каждое щупальце «Спрута» приведет к самому телу, но, как и «Досье „Драгоценный камень“», без конца утаивает то, что обещает открыть. Эта заявка так и останется преждевременно оборвавшимся и наводящим на размышления наброском.

На первый взгляд, эти примеры современной культуры заговора подтверждают анализ Фредрика Джеймисона, который назвал конспирологию «деградировавшей общей логикой позднего капитализма» и «отчаянной попыткой представить систему последнего».

Начиная с «Досье „Драгоценный камень“» и заканчивая

«Секретными материалами», эти популярные представления о заговоре поддерживают веру в то, что герои-детективы однажды раскроют «общую логику» всепроникающего заговора, а значит, и общую логику всемирного капитализма, согласно аллегорической интерпретации Джеймисона.

Отталкиваясь от бесконечного смещения центра власти и постоянно откладывая окончательное разоблачение, современная культура паранойи подрывает веру в какую-то окончательную полноту динамики власти позднего капитализма или, мягко говоря, в существование какого-либо способа выражения, который передал бы всю сложность этой динамики.

Убежденность в присутствии какого-то скрытого единства, стоящего за всеми совпадениями и связями, заставляет продолжать поиски, но тот факт, что расследование никогда не придет к окончательной развязке, подрывает эту первоначальную уверенность.

Таким образом, подозрение о том, что под лежащей на поверхности путаницей все связано в систему, в последних формах культуры заговора вступает в противоречие со структурным отрицанием этого вывода.

* * *

Творчество Дона Делило и, в особенности, его последний роман «Подземный мир», представляют собой убедительный пример скрытого сдвига в стиле и функциях мас-

совой паранойи по направлению к неопределенному головокругению от интерпретаций. Делилло долгое время называли «главным шаманом параноидальной школы в художественной литературе», лучшим представителем постмодернистской конспирологической литературы. В своих романах писатель рисует проникнутый атмосферой заговора послевоенный период в Америке, когда, по утверждению Делилло, «историю в американской жизни заменила паранойя».

Разделение между тем, что было «до», и тем, что наступило «после», не сразу признается персонажами «Подземного мира», но стратегически проецируется в прошлое сквозь призму ностальгии. Роман не вызывает ностальгию по 1950-м годам в духе Нормана Рокуэлла, который был высмеян в главе про желе «Jell-O»: этот образ увязывает семейную невинность пригорода с подпирающей его военной экономикой. Роман Делилло скорее вызывает в памяти более раннюю и более традиционную форму паранойи, которая ретроспективно может показаться до странности успокаивающей.

Так, во время посещения ядерного полигона в Казахстане, Ник Шей чувствует «что-то вроде ностальгии» по брендам 1950-х годов, оставшихся на полке реконструированного американского дома, предназначенного для разрушения. Эти чувства вызваны не столько тоской по «безопасной» домашней жизни 1950-х, сколько тоской по паранойе атомной эпохи. Навязчивая привязанность к убийственным подробностям может показаться почти трогательной, когда прива-

тизация публичной ответственности, параноидально глубокий интерес государства к повседневной жизни собственных граждан (пусть и с неблагоприятными намерениями) начинает исчезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.